10 лет без СССР

«Известия» продолжают цикл публикаций в рубрике «10 лет без СССР».

Десятилетие после империи — это драма утраты величия, но и радость расставания с ничтожеством, которым странным образом с величием уживалось. Да, мы потеряли чувство исторического покоя, бесконечное имперское пространство вокруг нас сжалось — это мы избавились от ужасания идиотизмом власти, расшаривавшей которой были вынуждены даже выдающиеся артисты. Впрочем, свобода, как родник, и тогда пробивала себе дорогу в обход властных запретов. Подчас самым неожиданным образом.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей новую главу из книги воспоминаний Анатолия Смелянского. (Начало см. в № 135 от 28 июля и № 137 от 1 августа.) В центре сегодняшнего сюжета фигура Иннокентия Смоктуновского. В нашей роли поклонники этого замечательного артиста его еще на видели.

Роман с театром

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ месяц

Гастрольный месяц

МХАТу Сталин даровал два месяца отдыха. К этим двум месяцам прибавлялся еще месяц гастрольный, которого ждали целый год. В советской цивилизации гастрольное дело было поставлено с имперским размахом. Провинция обслуживала область, столица обслуживала провинцию. Иногда по торжественным случаям провинциальный театр награждали Москвой. В таком случае гастроли именовались творческим отчетом. Был специальный отдел министерства, который определял, кто куда едет. Сетка гастролей покрывала всю страну. Были гастроли политические — в сонные республики. Были гастроли вкусовые: дней на пять в Ялту или Сочи, где по утрам актеры загорают, в вечером после спектакля пьют дешевое вино в окружении местных поклонников и поклонниц. Был так называемый «нёс», организуемый иногда под видом театра, «контора» (администрация театра. — *Ред.*) возмущалась, но мастера хватучных лей умели примиряться в любым обстоятельствам.

Художественный театр приезжал в провинцию по-барски. Виктор Лазаревич Эдельман, кротчаю скромность Леонида Осиповича Эрмана, который ведет переговоры с каким-то жалким начальником областного управления культуры, аеетая ставил в пример Андрея Алексеевича Белокопытова. «Он в управу не шел, он ногой открывал дверь к первому секретарю обкома. Это ж МХАТ приехал!» Слово МХАТ произносилось с кавказским клекотом, звук «х» был тут как нельзя кстати.

Иногда провинциалы дерзили столичным воротилам. Ульянов рассказывал, как администратор Игорь Нежный вызвал местному одесскому холоду, что такое Театр Вахтангова и как надо разговаривать с его главным администратором. На что одесский печально заметил: «Это вы там в Москве Нежный, а у нас в Одессе — еле-еле».

Театр Советской Армии обслуживал гарнизоны, размещенные в странах, принадлежавших к лагерю социализма. Бывалые артисты знали, в какой части лагеря что покупить, из Праги тащили хрусталь, из Монголии — кожу. После каждого спектакля устраивался походный банкет, командир части или замполит произносил тост за боевых подруг и друзей, пили водку или чуть подкрашенный разведенный спирт. Минут через пятнадцать Нина Афанасьевна Сазонова запевала «Стою на полустаночке», ее молодой друг-аккордеонист рыжий Сережа отважно растягивал мехи. У военных навертывалась скупая слеза. Каждый день переезжали с места на место, в конце концов засыпали, пропуская изумительные виды. Федя Чижиков подготовил туристическую ценность моего пребывания за границей: «Сон на Волге (нижегородское мое происхождение обязательно поминалось). На проштыкуных балах происходили беседы философского класса. «Федя, поди сюда!»

Нина Афанасьевна подзывала гоголевцев — Посохову, какие рейтузы чудесные». Шло ощупывание и навязывание чудесных рейтуз. «Ну, возьми для шитера, ну, чистый бутылок, все дышит». Федя брал. Мама была актрисой, жила в Орле, таких рейтуз, чтоб все дышало, в Орле было не найти.

Художественный театр войска обслуживал редко. Он ездил в лучшие города Союза, в столицы союзных республик и даже иногда в Нестоновую Заграницу.

Ритуальное действо

Время действия — ранняя осень 87-го года, место действия — Алма-Ата, столица Казахстана, а потом Фрунзе, столица Киргизии. Первые мои гастроли с Художественным театром. первый подтяг [illegible] в условиях гастрольно-советского карнавала.

В Алма-Ате разместились в двух точках — актеров попроще и обслуживающие нас поселили в большой шумной гостинице у базара. Народных и «контору» — в маленькой привилегированной резиденции без всякой вывески на тихой улочке Алма-Аты. Внизу оказался небольшой уюженный ресторанчик, тоже без всякой вывески, для проживающих в резиденции. Углубившись в меню этого ресторанчика, я изумился цифрам, стоявшим справа от изысканных блюд. В них было что-то сказочное. Все исчислялось в копейках, а не в рублях, как будто произошла денежная реформа. Особенно заинтересовала порция арбуза в 100 граммов, которая стоила одну копейку. Я заказал десять порций. Молодой казах с непроницаемым лицом принадлежу гору темно-алых сахарных кубиков, которые были заранее очищены не только от корок, но и от косточек. Это был образ коммунизма, наступившего в одной отдельно взятой среднеазиатской резиденции. Чувство благодарности просыпалось даже в самой черствой душе.

Наутро эта благодарность должна была материализоваться. Был намечен ритуальный визит к памятнику Ленина. Заранее была составлена делегация, куда в обязательном порядке входила пара узнаваемых народных (для телевидения), ведущие жюри «конторы» и руководители эмаатской партии и профсоюза. Отправились на привычную повинность, совершив [illegible] длинной аллее стали возвращаться к автобусу, поджидавшему на площади. Вдруг в конце аллеи, не разойтись, возникла фигурка женщины в чарше бегом в сторону памятника, к которому только что были возложены цветы. При приближении фигура оказалась народной артисткой РСФСР Галиной Ивановной Калиновской. На высоких каблуках, задыхаясь от спешки, она мчалась совершить личный обряд возложения цветов к Ильичу. Нас всех она обвела не столько гневным, сколько ухоженным взором и полетным расповом несыгранной роли Анны Карениной в исполнении родственницы Аллы Тарасовой пронеслила: «Как не стыдно, не могли подождать меня пять минут у резиденции. Мне пришлось своей купить цветы и взять такси!»

[illegible] извинявшиеся [illegible] ки переглянулись.

Тонкорунная овца

Через несколько дней начинено было другое ритуальное действо. МХАТ СССР принимал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев. Уровень приема соответствовал уровню театра. «Конторе» сняли от удовольствия, от желающих пойти на прием не было отбоя — все хотели посмотреть живьем на одного из могучих мира сего, которого знали только по портретам.

Рассадили в специальном зале за длинным столом. Фрукты, сладости и фруктовая вода в маленьких узких бутылочках, которые выпускало местное «четвертое управление». Встреча проходила по отработанному сценарию. Сначала выступал с отчетом первый секретарь ЦК, потом дарили сувениры, затем слово предоставлялось кому-то из коллектива. Товарищ Кунаев отчитался минут за сорок. Рассказал о невиданных успехах Советского Казахстана в промышленности и в сельском хозяйстве, упомянул, что в следующей пятилетке у них будет 50 миллионов тонкорунных овец. Отметил и недостатки. Оказалось, что местный кинематограф находится еще не на должной высоте. Приглашенный ответ ответу. Ефремов с загадочной улыбкой предоставил слово Смоктуновскому. Будучи гостем, он особенно поосторожничал. Ефремов и не почувствовал. Коллектив же МХАТа СССР замер в предвкушении скандала. Иннокентий Михайлович достал из своей груди один из самых божественных обертонов, нацелил его на Кунаева и вдрепечно поблагодарил Димумхамеда Ахмедовича за гостеприимство. То, что он выучил наизусть такое сложное имя-отчество, особого удивления не вызывало, артисты и не такое заучивают. Но то, что произошло дальше, поразило меня. Тем же волнующе-дружеским голосом Смоктуновский вдруг запел[illegible] вокзал: «Я позволю себе поспорить кое в чем с вами, дорогой Димумхамед Ахмедович». Официанты остолбенели, Кунаев растерянно улыбнулся. «Вот вы сказали, что у нас есть отдельные недостатки и в примеры привели казахский кинематограф. Не могу с этим согласиться». И дальше, резко повысив тон, русский Гамлет изрек, как будто написал на памятнике начертал: «У вас в Казахстане чудесный кинематограф!» Официанты вернулись к своему делу. Кунаев облегченно вздохнул, Ефремов стал внимательно разглядывать обложку книги партийного лидера, которая лежала перед ним на столе с автографом Димумхамеда Ахмедовича, у вас будет пятьдесят пять миллионов тонкорунных овец».

Кунаев быстро закончил прием, пожал руку Смоктуновскому, Ефремову и Степановой и торжественно удалился. Мы потянулись к выходу. Душа сгорала от любопытства. «Ну откуда, откуда он знает, что будет пятьдесят пять?!» В автобусе герой отвечал[illegible] самым невинным [illegible] «Я [illegible] хватура была, озвучивая документальный фильм на местной студии про тонкорунных овец».

Надолго к нему потом прилепилось прозвище «тонкорунная овца».

Видимо, Иннокентий Михайлович был в тот день в ударе. Одержав первую победу, он решил взорвать и закончить новую эффектным сальто-мортале. «И еще, дорогой Димумхамед Ахмедович, позвольте заметить, вы допустили маленькую неточность. Официанты вновь прекратили работать, Кунаев тоскливо посмотрел на своих помощников, посерьезнел. Артисты МХАТа притупили взоры, ожидая развязки. «Вы сказали, что в следующей пятилетке у вас будет пятьдесят миллионов тонкорунных овец. Нет, дорогой Димумхамед Ахмедович, у вас будет пятьдесят пять миллионов тонкорунных овец».

Голубь мира

Протекция его менялись. Он не давал проставлять мхатовским остряками. После возвращения из Средней Азии открывали московский сезон. Программа «Время», представители ЦК, объятия и поцелуи актеров, ну, известное лицо, «нудин день». Константин Алексеевич Ушаков попросил выступить Смоктуновского, «чтоб только, поняите, недолго, на тему борьбы за мир». Он понял задачу очень конкретно, вышел к трибуне и сыграл предложенный этюд на политическую тему с максимальной убедительностью. Бороться он предложил не где-нибудь за рубежом, а в своей родной стране, в пределах Садового кольца, на Старой площади, вот прямо здесь и сейчас: «Я не знаю, в какие кабинеты идти — начал он тихо, а потом расплылся по уже опробанному сценарию, — по каким столам стучать, чтобы восстановить мир на земле». Вы в ЦК с косым глазом, оперцы, обратил свой взор в сторону нашего «понятия». «Ты зачем, мой блаженному такую роль поручил?! Блаженный же Иннокентий Михайлович, не замечая поплотности, проповедовал тоже[illegible] с голубой водой, куда в первый же день, обнажив свое немалое тело, бросился Вячеслав Михайлович Невинный. В одну минуту волосы был окружен автографщиками, выросшими как из-под земли. Артист был извлечен из воды и выложен на берег. Это был личный массаж товарищ Усубалиева.

На завтрак выходили к заставленному десятками блюд столу. Перед каждым производилось [illegible] кефирчика, твердой колбаски, копины, икры черной и красной, осетрины, дыни, арбузов, зелени. Зелень дышала свежестью, была спрыснута свежей водичкой. Смущенные музейным богатством и отсутствием меню артисты робко пытаются в еде. Ангелина Иосифовна попросила меня поинтересоваться у комендантя дачи, что почем. Комендант, молодой человек лет 25, несмотря на сорокаградусную жару, всегда был одет с иголочки того же «четвертого управления», включая конфетный пиджак, жилетка, галстук, импортные туфли. И вобличная национальная шляпа на голове. Я передал вопрос старейшей актрисы, подкрепив его, как мне казалось, неопровержимым рассуждением: «Понимаете, люди в Москве привыкли завтракать по-разному, они не могут осилить столько еды. Ну, например, Ангелина Иосифовна по утрам копины не ест». В темных глазах-щелочках моего собеседника блеснул огонек понимания. На следующее утро все стояло на столе в том же порядке. Актеры цепные интриморты почти не тронули, боясь, что не сумеют расплатиться. Наконец я пригнал велосипед к стене и категорически потребовал, чтобы он отдал[illegible] прейскурант. «Вы поймите, один пьет только кофе, другой только сок, а копину Ангелине Иосифовна не только по утрам, но и вообще не ест». Я обрел необходимый пафос. «Пусть ест, — нежно снял пафос великодушный начальник. — Все бесплатно, это подарок товарища Усубалиева». Не буду пересказывать реакцию актеров на мое сообщение. В переводе на литературный словарь одно из самых почтенных мест занимало великое слово Халява. Копина по утрам тоже как-то пошла в ход.

Вознаграждение

Государственная халява завершилась встречей в ЦК Компартии Киргизстана. На этот раз усадили в комнате заседаний местного политбюро. У каждого мхатовца на руках кресла была откидная доска, чтоб артист в случае необходимости мог записать важную мысль. Артисты с удовольствием изображали партийную знать. С докладом перед ними выступил первый секретарь ЦК, один сосед по даче товарищ Усубалиев. Рассказал об огромных успехах в промышленности и сельском хозяйстве, отметил имеющиеся еще недостатки. Главной нерешенной проблемой Киргизии, как оказалось, было не очень высокое качество киргизского кинематографа. Надо продолжать? Ефремов и Смоктуновский остроумно пьесы разыграли в четыре руки как по нотам. Фраза «У нас чудесный кинематограф, дорогой Турдакун Усубалиевич» была пропета на таком начале, что можно было зарыдать. Но Иннокентий Михайлович был артистом импровизации. Повторить даже эффектный казахский вариант ему было не очень интересно. И он порадовал нас новинкой, которая, мне кажется, была не домашней заготовкой, в именно вспыхнувшей импровизацией мастера. «А теперь, дорогой Турдакун Усубалиевич, я хочу к вам обратиться с личной просьбой. У вас в Русском театре работает один замечательный артист, народный артист Киргизстана такой-то. Он еще работал в те годы, когда мне выпало счастье работать в Русском театре Фрунзе, мы с ним хорошо знакомы с тех времен. Так вот я хочу лично попросить вас: надо послать этого актера на звание народного артиста СССР. Он этого заслужил!» Усубалиев заулыбался фамильной улыбкой, помощники быстро переговорили о чем-то по-киргизски. Дело было сделано в одну секунду.

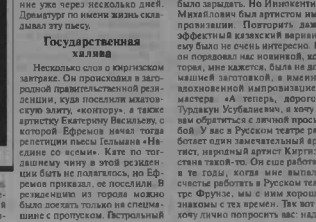
Надо ли объяснять, что это был бывший муж Риммы Быковой, который нашего Иннокентия Михайловича «около-то» незаконнятно году советской [illegible]

Иннокентий Смоктуновский

● Такие разные кинороли Иннокентия Смоктуновского

«9 дней одного года» (1961 г.)

«Берегись автомобиля» (1966 г.)



«Живой труп» (1968 г.)